

голубка (ненька, дружина), тихая розмова (мир, злагода), чорная хмара (лихо, нещастя). Іноді вони входять до складу порівнянь, напр.:

У містечку Богуславку,
Каньовського пана,
Там гуляла Бондарівна,
Як пишная пава [118].

Вираження високого, надмірного вияву ознаки досягається шляхом повторення однакових і синонімічних форм (стягнених і нестягнених), напр.:

Чи я тобі тяжкий,
Чи я тобі важкий,
Чи тяжка-важка
Золотая зброя? [231];
Сонливая-дрімливая,
До роботи лінивая
Невістка моя [261].

Отже, повні нестягнені форми прикметників є важливим компонентом української народної пісні, які надають їй урочисто-піднесеного звучання, інтимності, ніжності, фольклорного колориту. Вони різноманітні за своєю семантикою, граматичними особливостями та стилістичними функціями.

Джерела та література:

1. Народні перлини: Українські народні пісні. – К. : Дніпро, 1971. – 391 с.
2. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів та ін. – К. : ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.
3. Пустовіт Л. О. «Отак воно у пісні зацвіло...» / Л. О. Пустовіт // Культура слова : республ. міжвідомчий зб. – К. : Наук. Думка, 1987. – Вип. 33. – С. 15.
4. Українська мова : енциклопедія. – К. : Українська енциклопедія, 2000. – 752 с.

Гусейнов Г.А.

УДК 811.512.144

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ БУЛГАРИЗМАХ В ОЙКОНИМИКЕ КРЫМА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Постановка проблемы. Исследование общих болгаризмов в ойконимике Крыма и Северо-Восточного Кавказа еще не стало предметом специального рассмотрения. Их выявление особенно важно, так как указанные территориальные пределы входили в свое время в состав Хазарского каганата с его преимущественно болгарским населением.

Анализ последних исследований по проблематике работы. При сравнительно высоком уровне изученности исторической топонимике Крыма [см.: 1; 2] и явно недостаточном Северо-Восточного Кавказа на сегодняшний день установлены лишь отдельные общие древние (булгаро-хазарские) ойконимы [см.: 4; 5].

Цель и задачи статьи: на основе интралингвистического, с учетом достижений современной тюркологической науки, анализа некоторых ойконимов предоставить в распоряжение как лингвистов, так и историков факты, свидетельствующие о раннесредневековой языковой (булгарской) общности населения рассматриваемых исторических областей.

К рассматриваемым явлениям в Крыму относится топоформант *сала*, впервые упомянутый в составе ойконима Янги-Сала в ярлыке Менгли-Гирея, Богасала в ярлыке Саадат-Гирея (под 1530 г.). О предместье Бахчисарая Салачике писал Мартин Броневский, посетивший Крым в 1578 году [см. 1, с. 32].

Еще раньше лексическая форма *сала* 'село, деревня' фиксируется в ярлыке хана Золотой Орды Тохтамыша великому князю Литовскому Ягайле (1393г.). Производная форма этого топоформанта *салачи* 'сельский житель, крестьянин' получила отражение в ярлыках крымского хана Хаджи Гирея (1453г.) и казанского хана Сахиб Гирея (1523г.) [22, с. 106, 114, 131] (ср.: караим. трак. *салачы*, караим. галиц. *салацы* 'сельский, крестьянин' [9, с. 462]). В памятниках деловой письменности польских (каменец-подольских) армян XVIв. фиксируются обе формы - *сала* 'село' и *салачи* 'житель села, крестьянин' [7, с. 404]. Она известна куманским - крымско-татарскому, караимскому, кумыкскому, а также татарскому и чувашскому (в последнем - «русское селение» [15, с. 441-442]) языкам [14, с. 494].

Значение чувашского слова позволяет некоторым авторам полагать, что рассматриваемая форма могла быть усвоена из русского «еще в хазарскую эпоху». Вместе с тем допускается и ее возведение к хазарскому источнику неустановленного происхождения, но при неясности отношения к нему кумыкского социального термина *сала овзден*. Кроме того, *сала* получило отражение в топонимике Среднего (!) Крыма и Северного Приазовья, в последнем из которых оно считается привнесенным в XIII в. урумами (тюркоязычными мариупольскими греками) [см. 15, с. 441-442].

Однако значение чувашского варианта рассматриваемого слова могло развиваться под влиянием его близости к русск. *село* в условиях, когда в чувашском языке понятие ('селение, село') передается иным словом - *ял*, представленным, кроме ареально смежных тат. ('селение, село', 'деревня') и башк. диал.

(‘деревня’) *ил*, лишь в к.-балк.эл ‘селение, село’ [см. 14, с. 494], который является топоформантом, более распространенным в центральном (среднем) крымско-татарском диалекте, чем *сала* [см.: 1, с. 33; 2, с. 14], получившем отражение не только в социониме *сала овзден*, но и кумыкском хорониме *Салатау* ‘Сала-гора’. Ауслатное *-ау* в более ранней фиксации первого термина - *сал-ау* (*узденъ*) [12, с. 25] - может иметь болгарское происхождение, так как оно близко к аффиксу звательного падежа, присущему лишь низовому диалекту чувашского и кумыкскому языкам [см. 11, с. 16-17]. То же самое допускается и для первой его части, как и в хорониме *Салатау* (см. ниже), вторая часть которого, в свою очередь, обнаруживает близость к чув. диал. *тăв* ‘гора’, ‘холм’, ‘возвышенность’ [8, с. 254].

При этом с учетом чув. *су* - репрезентанта пратюрк. **ja:j* ‘лето’, к числу производных форм которого относится *ja:j-la* ‘летовка, летнее пастбище’, не имеющее аналога в чувашском языке [21, с. 74, 78; 14, с. 74], представляется возможным восстановить исходное (болгарское) **ša:la* ‘летовка, летнее пастбище’. Отсюда *Салатав* – ‘пастбищная гора’, а *сала* – ‘летовка, расположенная в горной местности’, где и локализируются ойконимы с топоформантом *-сала*. Именно в этих пределах и проживали носители собственно крымско-татарского языка-диалекта, наибольшую близость к которому обнаруживает кумыкский язык [6, с. 80-84], в отличие от других более поздних тюркоязычных обитателей полуострова – носителей северного степного (ногайского) и приморского южного (огузского) диалектов.

На связь с Северо-Восточным Кавказом указывает, как представляется, ойконим (Верхний) *Салтов* (ср. *Салатау*) в ареально смежном Крыму Волчанском районе Харьковской области в пределах горного ландшафта Среднерусской возвышенности. Здесь, а также у Дона в Маяцком городище (Воронежская область) локализуется Салтово-маяцкая культура (середина VIII - начало X вв.) периода господства в этом регионе Хазарского каганата. Она охватывала степное Подонье, Приазовье, Тамань, Восточный Крым, Нижнее Поволжье и Прикаспийский Дагестан [см. 24].

Не случайно в пределах распространения этой культуры, за исключением лишь Тамани и Нижнего Поволжья, оказывается представленным производный (от *сала*) болгарский (и соответственно хазарский) ойконим *Салатау*, известный (Салтово в Старополтавском районе Волгоградской области) и во входившем в Хазарский каганат Среднем Поволжье. Ауслатное *s-* при этом оказывается присущим болгаризмам кумыкского, хазарского (болгарского) VIII в., лакского и диалектным формам русского [6, с. 37] в то время, как привлекаемые для сравнения с *сала* каб. *жылэ* и адыг. *чылэ* ‘селение, общество, народ’ [15, с. 442], исходной формой для которых следует, видимо, признать каб. диал. *джылыэ* то же [см. 18, 1, с. 24-25, 26, 197] (здесь редуцированный *-ы=э*), обнаруживают сходство с иными закавказскими болгаризмами удинского и азербайджанского (савиро-хазарский V-VII в.) языков с таким же исходным ауслатным *дж-*, считающимся фонологическим вариантом пратюрк. **č-* [см. 6, с. 35,36] и присущим также дунайско-болгарскому языку и поволжско-болгарским памятникам XIII-XIV вв. [17, с. 49].

Сюда же, по всей видимости, относится название входящей в систему Сабново-Джалганского хребта Большого Кавказа горы *Джалган* (кумыкский и азербайджанский варианты *Джалган-Тау* и *Джалган-Даг*). На ее обращенном к г. Дербенту склоне в числе расположенных здесь азербайджанских селений известен населенный пункт под аналогичным названием - (Верхний) *Джалган* (азерб. *Жалган*).

Вопреки расхожему мнению о том, что вышеупомянутый ойконим в переводе с персидского означает ‘искра’ [см. 23], но это слово звучит как [джагһ] и может быть возведено к кирг., тат. *жақ-*, казах. *жақ-* ‘жечь’, ‘зажигать’, калп. *жақ-* ‘разводить, высекать’ обще-, межтюркского характера [см. 21, с. 81,82], представляя собой позднейший кыпчакизм, который мог быть усвоен в период монгольского завоевания. Возможно, исторически однокорневым с *Джалган* является крымский ойконим *Джәлгита* ‘Ялта’ [см. 10, с. 171 табл.2], впервые упоминаемый (1154г.) у ал-Идриси (1100-1165) [см. 10, с. 171 табл.2], где *-ли*, вероятно, общетюркский аффикс относительных прилагательных [см. 20, с. 109-110], а *-та* - показатель местного падежа, отмеченный в волжско-болгарском языке [см. 17, с. 51]. Сюда же примыкает и название народа *жиели* (*джел-ти*), который по легендам и преданиям был предшественником нынешних ингушей-фалпипинцев общества ЖІайрах (Джайрах) [см. 16, с. 7, 17].

Все эти наименования представляется возможным отождествить с потенциальными болгарскими и ареально близкими к рассматриваемому ареалу метафорическими (ландшафтными) вариантами пратюрк. **ja:l* ‘грива’ - казах. *жал* ‘гребень, хребет горы, горная гряда’, азерб. *йал* ‘гребень, хребет горы, перевал’, кум. диал. *йал* ‘гребень’ [см.: 14, с. 146; 21, с. 85,86]. Отражением других, восходящих к соответствующему семантическому варианту пратюрк. **ja:l* форм - обще-, межтюрк., балк. *жалқа*, балк. *жалқа*, чув. *с'илхе* ‘грива’ [см. 21, с. 86] - может являться и вышеупомянутое *Джалган*, где ауслатный *-н* может интерпретироваться как позднейший кыпчакский аффикс направительного падежа [см. 13, с. 101].

В пределах нынешнего Дагестана при описании событий 30-х гг. VIв. саманидский автор второй половины Хв. Балами пишет о «стране Сул», «области Сул», как и другие мусульманские ученые, например, Ибн Хордадбех (ок.820 - ок. 912/913) и ат-Табари (ум. в 923г.), хотя при этом *Сул* встречается у них наряду с Дербентом (ал-Баб) еще XIв. [см. 3, с. 159, 188 прим.49, 167]. Этот же термин (*Баб-Сул*) встречается и в дагестанских арабоязычных исторических сочинениях - «Дербенд-Наме» (здесь в ауслате используется буква ‘садун’, обозначающая зазубный (эмфатический) [с]), но в «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи - *Джур* [19, с. 19,101], *дж-*ауслат которого передает, по всей видимости, не присущий арабскому языку звук [ч]. Варианты с ауслатным *s-* могут передавать иные, на *s-*, репрезентаты пратюрк. **č-*, присущие, наряду с кум. *сала* ‘знатный дворянин’, *Салатав* ‘историческая область’, другим болгаризмам кумыкского языка, например, гидроним *Самур*, известный кумыкскому языку как ‘приток большой реки’ [см. 6, с. 38, 39]. Не исключено, что *-у-* в *Сул* может передавать не присущий арабскому языку [о], содержащийся в впервые упоминаемом у Абу-л-Фиды (1273-1331) крымском ойкониме *Сулгәт* ‘Солхат’

(нынешний, расположенный западнее Феодосии, в долине у подножья горы Агармыш г. Старый Крым), который обычно связывается с итал. *solcata* 'ров, борозда', арм *Сурб-хач* 'Святой Крест' или тюрк. *sol* 'левый' [см. 10, с. 157]. Однако ввиду арабской передачи его анлаута через *с-*, как в *Сул*, представляется возможным связать с соответствующим болгарским, близким к чувашскому репрезентатом вышеупомянутого обще-, межтюрк., балк. *жалқа*, балк. *жалқа*, чув. *с'илхе* 'грива' в то время, как ауслатный *-т* может отражать вышеупомянутый волжско-булгарский показатель местного падежа, содержащийся в ойкониме *Джәлита* 'Ялта'.

Выводы. Установленная общность выявленных ойконимов позволяет полагать, что она является языковым наследием болгарских племен, господствовавших на пространстве от Крыма до Дербентского (Каспийского) прохода еще в эпоху Хазарского каганата, занимавшего эти пределы.

Перспективы дальнейших исследований. Их выявление в регионах нынешнего и прошлого проживания носителей близкородственных тюркских (куманских) языков Северного Кавказа и Крыма и дальнейшая интерпретация должны стать одной из актуальных задач изучения топонимики рассматриваемых исторических областей и на ее основе истории раннесредневекового населения соответствующих областей.

Источники и литература:

1. Бушаков В. А. Термины, обозначающие селения и крепости в топонимии Крыма / В. А. Бушаков // Советская тюркология. – Баку, 1985. – № 2. – С. 29-37.
2. Бушаков В. А. Исторична топонимия Криму : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : спец. 10.02.13 «Мови народів Азії, Африки, аборигенних народів Америки та Австралії» / В. А. Бушаков; Нац. Академія наук України, Ін-т Сходнознавства ім. А. Кримського. – К., 2005. – 41 с.
3. Гаджиев М. Г. История Дагестана / М. Г. Гаджиев, О. М. Давудов, А. Р. Шихсаидов. – Махачкала : Изд. ДНЦ РАН, 1994. – 460 с.
4. Гусейнов Г.-Р. А.-К. С-м-к-р-ц и КЪРЧЕВЪ («до кур Тмутараканя») / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Вестник Дагестанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Махачкала, 2004. – Вып. 6. – С. 63-68.
5. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К локализации Чунгарса и Вабандара, или еще раз о северо-западных и некоторых иных пределах «страны гуннов» (гонов) / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 2006. – № 2. – С. 51-62.
6. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказ и Дагестана с русским языком / Г.-Р. А.-К. Гусейнов. – Махачкала : ИП Овчинников, 2010. – 214 с.
7. Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины) / Ин-т истории АН СССР. – М. : Наука, 1967. – 430 с.
8. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров; НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары : Чувашиздат, 1964. – 354 с.
9. Караимско-русско-польский словарь / сост. Н. А. Баскаков и др. – М. : Русский язык, 1974. – 687 с.
10. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв. Текст. Перевод. Комментарий / И. Г. Коновалова. – М. : Восточная литература, 2009. – 222 с.
11. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка / Л. С. Левитская. – М. : Наука, 1976. – 299 с.
12. Лобанов-Ростовский М. Б. Кумыки: их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года / М. Б. Лобанов-Ростовский. – Махачкала : Изд. ДНЦ РАН, 2002. – 45 с.
13. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Академия наук СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 560 с.
14. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Российская академия наук, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 2001. – 822 с.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. – М. : Наука, 2006. – 908 с.
16. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии / А. С. Сулейманов. – Грозный : Чечено-Ингушское книж. изд-во, 1978. – Вып. 2. – 124 с.
17. Хакимзянов Ф. С. Булгарский язык / Ф. С. Хакимзянов // Языки мира. Тюркские языки / Российская академия наук, Ин-т языкознания. – М., 1997. – С. 47-52.
18. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков / А. К. Шагиров. – М. : Наука, 1977. – Т. I. – 289 с.
19. Шихсаидов А. Р. Дагестанские исторические сочинения / А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, Г. М.-Р. Оразаев. – М. : Наука, 1993. – 301 с.
20. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1977. – 191 с.
21. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Ж', 'Ж', 'И' / авт. сл. статей: Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. – М. : Наука, 1989. – 292 с.
22. Özgetgin Melek A. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dili ve üslup incelemesi / Melek A. Özgetgin. – Ankara, 1996. – 297 с.

23. Джалган : [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Джалган>
24. Салтово-маяцкая культура : [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Салтово-маяцк>.

Чернобай С.Е.

УДК 81'373.72

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Постановка проблемы. Взаимодействие языка и культуры на протяжении долгого времени притягивает внимание лингвистов. Еще в XIX веке В. фон Гумбольдт писал, что язык «есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [1, 68]. Ренессанс «вечной» междисциплинарной проблемы взаимоотношения языка и культуры привел в последней трети XX века к возникновению новых научных парадигм во фразеологии – «науке о наиболее культурно маркированных образных единицах любого языка» [2, 5]. Возникают лингвокультурологическая, коммуникативно-прагматическая и когнитивная фразеология.

Объектом фразеологической лингвокультурологии является та часть внеязыкового мира, «предметы» которой оказываются духовно значимыми (для того или иного этноязыкового коллектива) ценностями, вербализованными посредством фразеологических единиц. Особой лингвокогнитивной значимостью такие знаки образной номинации обладают потому, что они являются средством и продуктом метафорического речемышления.

Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, все возникающие фразеологические дисциплины ориентированы на когнитивно-дискурсивный подход к исследованию фразеологического состава языка. Методологической базой когнитивно-дискурсивной фразеологии служит синергетический подход к пониманию и описанию знаков косвенно-производной номинации как основного средства объективации объектов лингвокультуры, лингвопрагматики и лингвокогнитивистики. Именно фраземы, будучи наиболее типичными знаками экспрессивно-образной номинации и продуктами вторичного семиозиса, характеризуются синергетическим взаимодействием языкового, коммуникативного, прагматического, психического и культурных факторов. Возникающие фразеологические парадигмы могут служить стимулом развития когнитивной семантики, теории дискурса, лингвокультурологии и теории речевых актов. Этим и объясняется синергетически емкое название формирующейся мегапарадигмы – когнитивно-дискурсивной лингвистики и суперпарадигмы – когнитивно-дискурсивной фразеологии, в рамках которой развиваются субпарадигмы: когнитивная, лингвокультурологическая и прагматическая [2, 6].

Актуальность. Исследование взаимосвязи языка и культуры и роли человека в них отражено в работах Г. Гачева [3], А. Вежбицкой [4; 5], В. М. Богуславского [6], В. Н. Телии [7; 8], Г. В. Елизаровой [9], О. А. Корнилова [10]. Отдельно следует отметить коллективный труд «Phraseology and Culture in English» под редакцией П. Скандеры [11], который отражает последние лингвокультурологические достижения зарубежных исследователей в области английской фразеологии и семантики. **Цель** исследования – рассмотреть основные аспекты изучения фразеологизмов в рамках когнитивно-культурологической парадигмы.

В современной лингвистике научная парадигма – это господствующая на каждом этапе истории лингвистических учений система воззрений на язык, определяющая предмет и принципы лингвистического исследования в соответствии с культурно-историческим и философским контекстом эпохи. Современные фразеологические парадигмы – это доминирующие в наше время системы понимания и интерпретации идиоматизированных сочетаний слов, которые обуславливают предмет и принципы их изучения во взаимосвязях с процессами познания действительности, коммуникативно-прагматическими параметрами общения и явлениями культуры [2, 8-9].

Методологической основой когнитивного подхода к фразеологии служат работы Ф. Джонсон-Лэрда, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье. Их идеи обогащаются в трудах по русистике В. З. Демьянкова, В. Б. Касевича, Е. С. Кубряковой, Р. М. Фрумкиной. При этом следует признать, что их работы представляют собой моделирование лексико-семантической подсистемы языка и не учитывают специфики идиоматических образований, в том числе и паремиологических [2, 44]. Разработка методики лингво-когнитивного анализа на фоне сопоставительного анализа когнитивно-прагматических свойств пословиц близкородственных языков требует не только уточнения базовых понятий когнитивной лингвистики с целью их применения к паремиологическому фонду, но и обоснования новых когнитивно-прагматических категорий. Это открывает путь к лингвокогнитивному моделированию паремиологических единиц, являющихся наряду с фраземами, основным средством репрезентации косвенно-производной языковой картины мира. В русле такого исследования приобретают новое осмысление метафорические механизмы конституирования паремий, потому что в традиционной паремиологии, обращая внимание на метафоричность пословицы, не раскрывается специфика пословичной метафоры, которая может быть вскрыта с помощью таких категорий, как «фреймовая модель пословицы», «провербиальный код», «паремиологический прототип», «когнитема» и др. [2, 45].

Введение понятия когнитемы обусловлено не стремлением пополнить и без того длинный ряд «эмических единиц», а соображениями удобства и рациональности описания, так как, реконструируя